

Плач по Зощенко

Все время - 1994 - 13 авг - е. 3

Олег МИХАЙЛОВ

Тринадцатилетним мальчонкой-сுவоровцем, только что приобщенным к ВЛКСМ и тут же определенным в секретари первичной организации (это, надо сказать, была первая и последняя ступенька в моей политической карьере), я сперва восторженно прочел зощенковский рассказ «Приключения обезьяны», а потом, на комсомольском собрании, бичевал его со ссылками на постановление ЦК ВКП(б) и доклад А.А. Жданова. В те поры это было нормой: казенное - официальное, и личное - сугубо твое, шли параллельными мирами, не пересекаясь, вопреки Лобачевскому. Парадокс, но именно благодаря обильным стихотворным цитатам в ждановском докладе я, кстати, тогда же узнал и полюбил Анну Ахматову («Щели в саду вырыты, не горят огни, питерские сироты, детоньки мои...»)

Воистину: Богу - Богово, а кесарю - кесарево. Однако через «кесарево» я сумел переступить лишь в университете.

Только тогда, в студенчестве, я смог новыми глазами перечитать доклад Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград» и ознакомился с филологическими трудами наших ученых, которые вдогонку указаниям партийных мандаринов слепили книгу «Против безыдейности в литературе».

Есть резон перелистать ее сегодня. Какой-то Л. Плоткин, помещенный в «Краткой литературной энциклопедии» между Плинием Старшим и Плутархом, писал, например:

«В уродливом, клеветнически шаржированном, искаженном виде предстает у Зощенко вся наша советская действительность, все наши дела и стремления».

«Изображение советских людей как глупцов и негодяев, как существ, лишенных разума и морали, как людей, стоящих на низшей ступени развития и лишенных культуры, сопровождается у Зощенко антисоветскими выпадами».

«История с Зощенко с огромной убеждающей силой показывает, в какое антисоветское болото приводит писателя теория аполитичности и безыдейности, принципы анекдотического и пошлого бытовизма».

Это было откровенным «приглашением» в места не столь отдаленные, и можно только удивляться тому, что Зощенко оставался на свободе, подрабатывая переводами.

В одном старом интервью Зощенко сказал, что счастье не может быть источником вдохновения. Впрочем, как бы опровергая себя, он написал на своей фотографии 1928 года: «Благополучный человек. Таким бы всегда!»

Литературная судьба Зощенко многие годы оставалась на редкость счастливой. Выпустив в 1922 году книжку «Рассказы Назара Ильича господина Синябрюхова», автор воистину проснулся знаменитым. Признание пришло не только в России: по авторитетному свидетельству знатока зарубежья И.И. Тхоржевского, Зощенко еще больше любили, хвалили, читали и перепечатывали в эмиграции. Утверждают, что сила Зощенко в

обличении мешан, обывателей, тупого и бессмысленного начала в русском человеке. Но при этом часто забывается, что его пером двигало сострадание, а не глумление (чем в основном занимались и занимаются теперешние смехачи). «Не худо бы и на людях, как и на железнодорожном багаже, ставить какое-нибудь петушиное слово - «фарфор», «легче», - писал он.

По сути своего человеческого и литературного дара Зощенко был начисто лишен двоемыслия, «подполья», диссидентства. Можно, кажется, назвать его настоящим советским писателем, искренне и без колебаний принявшим ту новую действительность, которая начала складываться на развалинах прежней жизни. Она питала его честный талант.

«Обычно думают, что я искажаю прекрасный русский язык, - писал Зощенко, - что я ради смеха беру слова не в том значении их, какое им отпущено жизнью, что я нарочно пишу ломаным языком, чтобы посмеять почтеннейшую публику. Это неверно, я почти ничего не искажаю. Я пишу на том языке, на котором сейчас говорит и думает улица».

Однако искренность не означала простодушие. Сын художника и актрисы, Зощенко был человеком высокой петербургской культуры, соединившейся с огромным житейским опытом. Если вспомнить слова Достоевского о гоголевской «Шинели», то применительно к Зощенко можно бы сказать, что он увидел ее на капитане Копейкине. Гоголевская повесть с ее ломаным сказом могла помочь Зощенко в нахождении гениального языкового приема, который принес ему немедленный успех. Правда, с годами этот прием стал порабощать его. Механическое повторение обывательского «сленга», надо думать, сам писатель чувствовал и недаром в 30-е годы стал все чаще уходить в «грустную» прозу.

Нападки на Зощенко начались уже в 1930 году. Он отшучивался: «Ваша, скажут, персона не созвучна эпохе и вообще случайно дожила до теперешних дней. Видали? Случайно! Что же, прикажете под трамвай ложиться? Да это как вам угодно, скажут. Под трамвай или с моста, а только существование ваше никак не обосновано».

После публикации в 1943 году повести «Перед восходом солнца» критика приобрела угрожающий характер (Фадеев назвал повесть антинародной, а Тихонов - совершенно чуждой советской литературе).

Некий преуспевающий халтурщик, заполнивший страну своими пьесками (благодаря покровительству тогдашнего министра культуры Александра, для которого он устроил бордель в своей квартире), случайно познакомился со мной в мои студенческие годы. Как-то разговор зашел о Зощенко.

- А, Миша! - сказал он. - Да я его на днях встретил. На Площади Революции. «Как, говорю, поживаешь?» «Да ничего, - отвечает. - Видишь, уже в метро пускают...»

В созвездии Гоголя Зощенко занимает почетное место между Чеховым и Булгаковым.